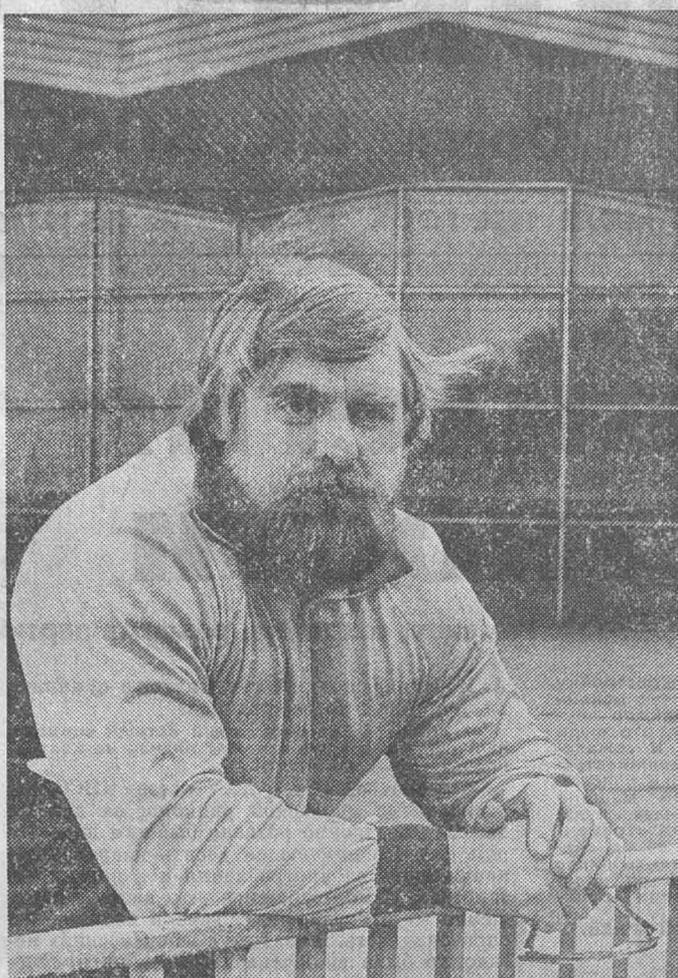

ЦЕПЬ ДОБРА

Валентин Дикуль отвечает нашим читателям

«Здравствуй, уважаемая редакция! Большая надежда на вас. Вот уже восемь лет пробираю дорогу к здоровью: я парализован. Восемь лет я бьюсь и кое-чего достиг, но нужна помощь. А рядом живет человек, чей совет для меня как живая вода. Помогите мне списаться с Дикулем. С уважением, Эрик Озол, 1962 года рождения».

О Валентине Дикуле написано и сказано немало. Наверное, многие знают о том, что этот человек победил неподвижность, из парализованного травмой инвалида превратился чуть ли не в первого силача мира, в знаменитого артиста цирка. Конечно, «превращение» было не волшебным. Это далось Валентину ценой огромных духовных и физических усилий. Наш сегодняшний разговор с В. И. Дикулем (и не только наш — мы пришли к нему с письмами, авторы которых через редакцию задают ему свои, в полном смысле слова, наиболее важные вопросы) не о его травме и исцелении. И даже не о системе, с помощью которой он вместе со своими методистами поднял на ноги уже более 850 человек. Это попытка понять самого Валентина Дикуля.

— Валентин Иванович, наши корреспонденты спрашивают о вашем детстве. «Наверное, он был окружен вниманием родных людей, их добротой. А доброта вселяет веру, которой так не хватает мне... К сожалению, добрых людей возле меня не так много... А. С-нов, Уфа».

— Я с большой подозрительностью отношусь к стереотипам. Вот один из них — «доброты не хватает»... Я потерял родителей очень рано. Отец погиб на войне, мать умерла. Так что воспитывался я в детдоме. Тогда было трудное время, жесткое. Да еще и конкретно не повезло. Не помню, чтобы кто-то из моих воспитателей действительно любил нас, детдомовских детей, чтобы кто-то скрашивал наше обездоленное детство (позже некоторых из сотрудников моего детдома даже осудили) —

— Но как раз о вашей отзывчивости, бескорыстии говорят все, кто вас знает, даже заочно — вот и это письмо: «Вы, оказывается, замечательный в своем роде человек... А главный добрый. Благодарю и за письмо ваше ко мне, и за методику занятия... Михаил Гоголев, г. Брежнев». Получается, что в детстве вы редко сталкивались с добротой, лаской, вниманием, но сами...

— Всякий человек ответствен за то, чтобы эстафета доброты не прерывалась. Видишь иное, ну так что же? Познав, что такое недополучить тепла и доброты, нужно тем более постараться не быть холодным, равнодушным к людям. И теперь, когда я уже почти старый, — он лукаво улыбается, — и имею право давать советы, мой самый первый — сопротивляться стереотипу «буду, как все»: рядом — злые, ну и я...

А, во-вторых, это не будет правдой — сказать, будто я вовсе не видел доброты в детстве. Не повезло с воспитателями, с детдомом... Но «искром» было много. Как забудешь такое: первые послевоенные годы, детдом ведут в баню. Мы, ребята, идем, распевая тогдашние песни. Оборванные, голодные. И вот из домов выходят женщины, старушки. Кто горячей картошки в миске несет, кто хлеба, кто одежонку. Совсем, совсем чужие люди и даже по долгу службы не обязаны «быть добрыми», а что-то же их потянуло из своих, вовсе не богатых домов?.. Я очень часто встречал среди простых, «негромких» людей это в самой крови сидящее убеждение — цепь доброты нельзя прерывать...

— Все представляют вас прежде всего богатырем. Еще бы! На тренингах поднимаете две тонны! Но при личном знакомстве отмечаете другое: вашу энергичность, деловитость, чувствительность, что не хотите терять напрасно ни минуты...

— Перечислю свои «нагрузки»: каждый день — три представления на арене цирка. Каждый день — тренировки. Остальное время —

болыным. Я получаю около сотни писем ежедневно, провожу 20 — 30 консультаций (люди приезжают издалека, не заставишь ждать). Веду внештатную работу во Всесоюзном центре спинномозговой травмы имени Бурденко, а также в недавно созданной Федерации физкультуры и спорта для инвалидов, где я выбран председателем... Кто-то подумает — это ему по силам, потому что он силен физически. Тут хочу возразить: всякому, даже физически «скромному» человеку по силам многое, если он знает цену минуте. Мы научились гневаться на растрату времени, так сказать, в глобальном масштабе — выступать против простоев, против плохого организованного труда целых коллективов. Но стоит обратить внимание и на личность как таковую. К сожалению, цену минуте знают немногие, хотя поле воспитания этого качества огромное — от детского сада до школы, вуза и, наконец, рабочего места каждого. Нерастроченное попусту время человека — вот его поистине «богатейшая» сила.

— Валентин Иванович, мы знаем: будучи парализованным, работая по многу часов в сутки, читая множество специальных медицинских книг и снова работая, вы дали себе слово: «Если найду способ победить неподвижность — всем нуждающимся в этом людям буду помогать встать на ноги». Сегодня можно сказать, что ваша методика — это исполнение мечты и обещания. А получилось ли это какое-то документальное, что ли, воплощение?

— Вы хотите спросить, не имею ли я патент? Разумеется, я использовал накопленный в данной области медицинский опыт и, конечно же, личную практику, создавая свою систему лечения травм позвоночника с повреждениями спинного мозга. Уже в конце 60-х годов мои — назовем их — «пациенты» один за другим начинали подниматься, благодаря этой системе. Удостоверившись, что методика помогает «безнадежным» больным, я, конечно же, вдохновлялся все больше и больше. И такая у меня была радость: моя система получила официальное признание медицины, работу одобрили такие учреждения, как Военно-медицинская академия имени Кирова, ЦИТО, Всесоюзный центр спинномозговой травмы имени Бурденко. Это дало определенные перспективы, возможность передать накопленный опыт. Медицинские учреждения даже выделяют врачей-методистов для работы.

— То есть, становится возможным помочь большому числу страждущих? Вот, кстати, письмо к вам, которое как раз о том, как дорога бывает минутами: «Много слышала о вас. У меня ребенок — мальчик восьми лет — не ходит ножками. Говорят, можете помочь... Поймите материнское сердце. В. Надежно, Витебск».

Голубые глаза Дикуля смотрят на нас мудро и весело:

— Да, тут медлить нельзя. И вот вам ответ, почему получить патент на свою систему я не пытался ни разу. Во-первых, не это главное. Людям она приносит пользу — вот лучшая награда. А второе — мне не хочется потакать тем, кто ставит все с ног на голову: почему тот, кто открыл или изобрел что-либо, должен еще богаты — пробивать стену бюрократизма? Ведь есть люди, работа которых в том и заключается, чтобы замечать и фиксировать их. Я думаю, каждый должен заниматься своим делом.

— Письмо молодого человека, что попросил нас связаться с вами, еще и о том, как он воспринял наше время, похоже, что оно тоже добавило ему сил: «Вы поймете, сейчас в стране идут большие перемены, и в такое горячее время не могу, просто не имею право быть слабым. Эрик Озол, пос. Раздольное, Приморский край».

— Для человека, который хочет подняться, главное — верить в свои силы. И, конечно, время тоже ему помогает — его социальный настрой

архиважен: ведь человек, даже и больной, — он не вне общества. Но бывает, что те, кто рядом, не понимают этого. Вот случай: девочка-инвалид, она недавно начала ходить (хотя ей уже 19 лет) и пока передвигается только на костылях, решила поступить на юридический факультет МГУ. Знаний у нее хватало, и она поступила бы. Но председатель медицинской комиссии сказал ей буквально следующее: «Инвалиды нам не нужны». Непостижимо, как может человек, — врач! — так легко поддаться поднимающую веру в себя?

— Еще одно письмо: «Шесть с половиной месяцев в больнице, две операции так ничего и не дали. Но инвалидом я не хочу считать себя до сих пор. Сразу после больницы я стал заниматься по восемь часов в сутки. Но за полтора года систематических занятий я смог улучшить работу только некоторых мышц пояса. Нет, не подумайте, что я упал духом. Я стал учиться и даже проводить дискотеки... А. Гуцин, Баланово, Саратовская область».

— Я думаю, что сила духовная и физическая тесно взаимосвязаны. По-моему, у человека должна быть высокая и труднодоступная цель. Понимаете ли, чтобы развить недожимную физическую силу, надо воспитать и недожимную силу духа. И наоборот, чтобы не сломаться при большой духовной нагрузке, надо иметь и силу физическую.

— Наверное, следующее письмо как раз о сочетании этих двух равновеликих сил: «Хочу еще раз поблагодарить за то, что вы дали мне возможность увидеть вас на арене. Диву даешься, трудно поверить, что человек может делать буквально чудеса после того, что с ним было. Н. Потеналова, Киев».

— До травмы я был воздушным гимнастом, после травмы, как это ни парадоксально, стал силовым акробатом. Иной раз спрашивают: «Зачем это нужно было делать? Ставил ли я себе целью побить «двойной рекорд»?». Во-первых, цель была иная — доказать, что человек может все. А силу я люблю с детства. И, познав, что такое физическая немощь, я полюбил силу в десять раз больше. Поэтому мое желание совпало с возможностями лишь после травмы. Так и получилось «двойной рекорд».

Конечно, я понимаю, что сила физическая есть не у всех, да и нужна-то она не всем. Но если речь идет о слабости духа, о слабости из-за лени, из-за нежелания взять себя в руки, я злюсь. Есть такие инвалиды, что не хотят приложить ни малейших усилий к своему выздоровлению. Они ждут, что врачи их будут лечить, медсестра сделает массаж, что их накормят с ложечки, вывезут на прогулку. Как это ни странно, но этим людям даже начинать протираться их «положение». Таких людей трудно уважать, остается только жалеть, что они сами себе враги...

В дверь гримерной постучали. Пришла мама с 14-летним сыном.

— Сию минуту. Готовьтесь. Иду. Будем делать растяжку. У этого мальчика контрактура. В таких случаях перерезают сухожилия. Ноги распрямляются, но человек уже не будет ходить никогда. А растяжка — медленная, кропотливая работа. Это больно. Но это — единственный выход. В больницах его используют редко — очень трудоемкий. Но мальчик умница и терпелив. Остальное решит время...

Дикуль ушел в «процедурную», а когда вернулся, было время его выхода на арену. Мы смотрели из-за кулис его программу. Кажется, это так просто, так естественно для него: на арене он поднял свои очередные три тонны — знаменитая «Пирамида» — тонна, машина «Волга» с платформой, которые он держит на себе, гири, которыми он жонглирует. Вернулся уставший, но снова готовый к разговору, к тем его последним десяти минутам, что нам «полагались».

— Вы не раз в своих интервью говорили, что цирк — ваша жизнь, ваша любовь. Вы не можете жить без него, ни за что на свете не хотите оставлять работу в нем. А работаете не то что добросовестно — самоотреченно. Но сколько лет жизни вы отдали на создание системы, ее шлифовку! Сколько лет у вас нет свободного времени, потому что все оно идет на занятия с больными, консультации, ответы на письма. Помощь инвалидам занимает в вашей жизни время не меньше, чем цирк, и требует, наверное, не меньше духовных затрат. Это даже как бы две разные жизни. Какая же у вас главная?

— Цирк — это моя любовь. Помощь людям, — Дикуль на минуту задумался, — нет, я не могу без этого. Все вместе — одна жизнь, в которой два одинаково важных дела.

Интервью вел
Л. МИХАЙЛОВА.

ОТВЕТ ИЗ РЕДАКЦИИ

Здравствуй, Эрик. Получив твое письмо, мы встретились с В. И. Дикулем. Твое письмо стало отправной точкой для разговора, который хочется верить, поможет тебе и тем, кто в таком же положении, еще больше укрепит дух, прибавит сил. А Валентин Иванович скоро сам тебе пришлет ответ и совет, как заниматься по его методике. Желаем успеха!

Фото Р. Исламова.